

И разлился раздоръ по всей землѣ
И сгубилъ онъ исконную твердыню Русскую...

I.

ПЕЧАЛЬНЫЙ перезвонъ раздался надъ Москвою. Съ изумленіемъ слушали его москвичи. Даже въ торговыхъ рядахъ замолкъ на время обычный шумъ.

— Чего это въ колокола-то ударили? — съ изумленіемъ проговорилъ худощавый торговый гость¹ Пармень Павода.

Онъ всталъ съ лавки и, выпрямившись во весь свой высокій ростъ, вышелъ изъ ларя на улицу.

Къ нему подошли сосѣди по торговлѣ кожею, тоже изумленные необычнымъ въ это время благовѣстомъ.

— Къ вечернямъ кажись еще рано, — замѣтилъ черноватый осташь² Меркульевъ.

— Забыли, должно быть, братцы, что постъ-отъ, — нерѣшительно промолвилъ третій ихъ товарищъ.

— Какъ нѣ знать, знаемъ, — отозвался Пармень, — только время не то, службъ церковныхъ теперь нѣтъ никакихъ.

На перекресткѣ кожевеннаго ряда съ красочнымъ показалась грузная фигура дьяка Лисицына; окруженный торговцами, онъ что-то имъ говорилъ.

— Осударь, великій князь Василій Митрычъ преставиться изволилъ, — донеслось извѣстіе до троихъ кожевниковъ.

Всѣ они, одинъ за другимъ, сняли шапки и, набожно перекрестившись на храмы, прошептали:

— Помяни, Господи, во царствіи Твоемъ новопреставленнаго Государя, князя Василія.

Но сейчасъ же извѣстіе о смерти великаго князя уступило мѣсто вопросу, — кто будетъ княжить надъ Москвою?

Прямымъ наслѣдникомъ покойнаго великаго князя былъ его десятилѣтній сынъ Василій.

¹ Торговый гость — купецъ, торговецъ

² Осташь — родившійся въ городѣ Осташковѣ, извѣстномъ выдѣлкою кожъ.

Къ цѣлованію ³ подъ Василия Василій Дмитріевичъ хотѣлъ еще за десять лѣтъ до своей кончины, въ 1419 году, привести брата своего Константина, но тотъ не согласился на это, за что и былъ лишень братомъ своего удѣла.

Сомнѣнія торговцевъ, кто наслѣдуетъ великокняжескій престоль, были сейчасъ же разсѣяны дьякомъ Лисицынымъ, объявившимъ торговымъ людямъ:

— Цѣловать крестъ будете Осударю, великому князю Василь Васильевичу.

— Вотъ оно дѣло-то какое! — промолвилъ Ѡаддей, почесавъ затылокъ, — лѣтами еще малъ князь-отъ новый нашъ.

Пармень сурово взглянулъ на говорившаго.

— Что жъ изъ этого, что молодъ? А развѣ не слыхаль про тотъ случай, какъ онъ родился-то?

— Ой, чтой-то запамятоваль.

Пожилой кожевенникъ, видимо сознавая всю важность своего рассказа, откашлялся, провель лѣвою ладонью по широкой, сѣдѣющей бородѣ и, замѣтя, что любопытныхъ, желающихъ послушать прибавилось, степенно началъ:

— До самага 15 марта доходила великая княгиня Софья на сносяхъ, а тутъ немочь ей немалая приключилась, совсѣмъ точно кончатся стала. Убоялся великій князь, что скончится и послалъ къ Іоанну Предтечѣ въ обитель, вотъ, что за рѣкой Москвою, къ одному честному старцу просить, чтобы онъ о княгинѣ помолился. А старецъ былъ прозорливецъ. Говорить онъ посланному: «Пусть великій князь молится Богу и его Пречистой Матери и Св. Логину-сотнику, а о княгинѣ своей не скорбитъ, немочь ея пройдетъ и о вечеръ родить ему сына». Что жъ, братцы, такъ и сбылось. И въ тотъ же самый часъ, ктой-то у двери кельи Государева духовника въ Спаскомъ монастырѣ стукнулъ и наказаль: «Иди, нарцы имя великому князю — Василій».

Слушающіе затаили дыханіе, стараясь не проронить ни одного слова.

— Толкуй, дядя, что дальше-то? — замѣтилъ кто-то изъ слушавшихъ.

— Ишь, не терпится тебѣ, парень! — сказалъ рассказчикъ и продолжалъ.

— Духовникъ это забралъ все, что требуется, вышелъ изъ кельи вонъ, глянь — никакого посланнаго нѣту. Смутился маленько, но все же пошелъ въ княжескія хоромы. На дорогъ онъ и впрямь повстрѣчалъ посланника отъ великаго князя, спросилъ, «былъ ли тотъ у него?» «Нѣтъ, говоритъ, не былъ.» Въ хоромахъ тоже сказывали духовнику, что никого за нимъ не посылали.

— Отъ Бога это, отъ Самого, посоль былъ, дядя Пармень! — сказалъ Чернышъ.

— А ты думаль отъ кого? — сурово промолвилъ старый кожевенникъ.

— Разумѣется, отъ Бога! — загудѣли собравшіеся, — ишь, ты, парень, непонятливый!

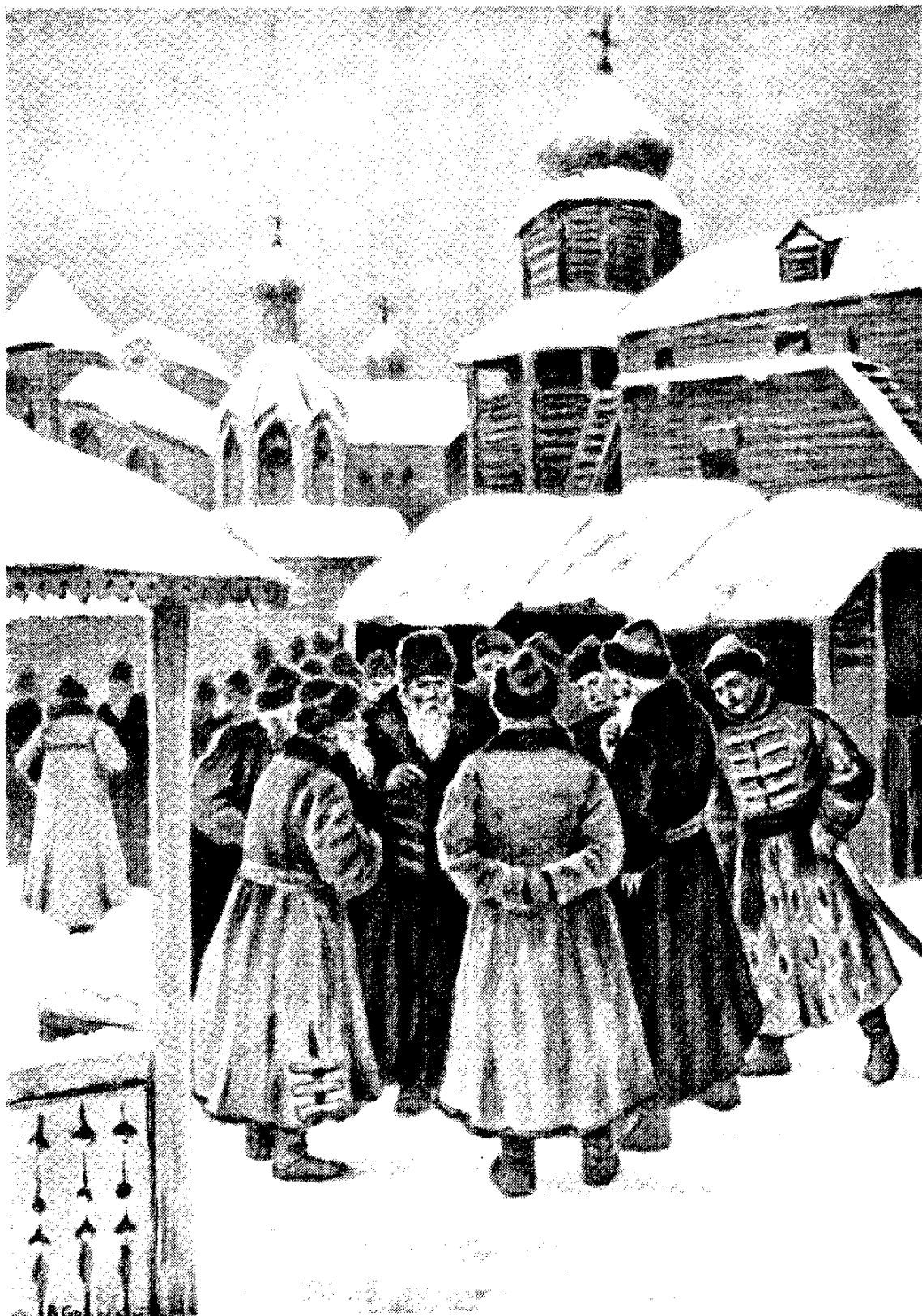
— А сказываль мнѣ Стефанъ дьякъ, онъ слышалъ о прорѣченіи св. старца отъ Дементія печатника, а сему сказъ повѣдала великая княгиня Марья.

Точно подавленные впечатлѣніемъ рассказа, молчали слушатели.

— А все-жъ, какъ же онъ править-то нами будетъ, коли молодъ еще, не смыслень? — не унимался Чернышъ, по прозванію Козель.

— Несуразная твоя голова! — укоризненно сказалъ Ѡаддей, — а мать-то его, вдовая великая княгиня на что? А братаны покойнаго князя Василія?

³ Цѣлованіе креста — присяга царю.

— Цѣловать крестъ будете Осударю, великому князю Василь Васильевичу, — сказалъ дьякъ Лисицынъ.

— Ну... о нихъ-то не тожуй! Сказываютъ, что старшаго-то Юрія Митрича великій князь больно не жаловаль и вѣры ему никакой не даваль, — замѣтилъ кто-то изъ торговыхъ людей.

— Кто его знаетъ, какъ оно тамъ будетъ, мы люди малые, подъ княжой рукой ходимъ, — примирительно произнесъ Пармень, видимо не желая высказывать своего мнѣнія.

— Дьякъ-то давеча намъ сказываль, — вмѣшался въ разговоръ полный, рыжеватый мужчина среднихъ лѣтъ, торговый гость изъ колеснаго ряда Акимъ Кургузый, — владыка послаль въ Звенигородъ свово боярина звать князь Юрія Дмитрича сюда, хоронить брата старшаго.

— Хоронить? Знамо дѣло, не для похоронокъ однихъ его сюда кличуть, — снова проговорилъ Козель, — а чтобы привести въ цѣлованіе подъ великъ князь Василія.

Ѳаддей испытующе посмотрѣлъ на стоящихъ вокругъ него торговыхъ людей, точно опасаясь, чтобы кто не подслушалъ ихъ разговора, затѣмъ, понизивъ голосъ, чуть слышно прошепталъ:

— Сказывали мнѣ, что, какъ онъ сюда на Москву явится, сейчасъ его въ срубъ посадятъ, такой-де завѣтъ покойнаго великаго князя.

Стараясь уловить слова кожевенника, слушатели просунули свои головы впередъ; между торговыми людьми оказался какой-то дружинникъ; въ своемъ любопытствѣ никто не замѣтилъ его.

— А еще толковали даве, — продолжалъ Ѳаддей, — это мнѣ знаемый челоувѣкъ сказываль, по духовной грамотѣ опредѣлено у Юрія да у Константина Митричей удѣлы отобрать!

—хлопотно больно дѣло-то затѣвають! — буркнулъ Акимъ.

— Тожъ сказалъ, князь Юрія Митрича поймать! — Знаешь птицу сокола, аль кречета? Поди поймай его!

— Ну, что жъ?

— Что жъ! Такъ вотъ и Юрій Митричъ взмылитъ, какъ соколъ, въ поднебесье, лови его тогда!

Дружинникъ потихоньку выбрался изъ толпы и, стараясь остаться незамѣченнымъ, направился въ одинъ изъ узкихъ проулковъ торговыхъ рядовъ.

— Зоркій глазъ Пармена уловилъ его уходя; быстро сообразивъ, что нужно дѣлать, онъ крикнулъ товарищамъ:

— Вамъ бы, ребята, только бѣ болтать, а того не смышляете, что словъ вашихъ неразумныхъ переносъ сдѣлають, не миновать тогда и вамъ застѣнка.

Отъ неожиданнаго замѣчанія кожевенника толпа сразу оцѣпенѣла.

— Вишь, за вами чуждъ челоувѣкъ стоялъ и нѣтъ его болѣе. Куды пошелъ? Може доносъ творить! — говорилъ Пармень.

Торговые люди всполошились.

— Эхъ, братцы, какъ вы его упустили, имать нужно! — слышались голоса.

И нѣсколько челоувѣкъ кинулись за дружинникомъ.

Послѣдній, замѣтивъ за собою погоню, бросился бѣжать, направляясь къ Москворѣцкому мосту.

— Оставь, не догонишь, — крикнулъ Ѳаддѣй своимъ, — въ летъ пошелъ!

Печальный звонъ навѣваль на москвичей все больше и больше унынія.

II.

Дружинникъ перебѣжалъ мостъ, но, замѣтивъ, что погони за нимъ нѣтъ, пошелъ шагомъ.

Скоро онъ выбрался изъ Москвы и, подойдя къ одиноко стоящей около лѣса избѣ, три раза условно стукнулъ въ плотно запертыя дубовыя ворота.

Короткій зимній день угасалъ; уходящее на покой свѣтило бросало кровавыя полосы на дѣвственно бѣлый покровъ выпавшаго за ночь новаго снѣга. Морозъ крѣпчалъ.

Дружинникъ снова нетерпѣливо постучался въ ворота рукоятю меча.

Въ избѣ, наконецъ, услышали, на дворѣ послышался скрипъ шаговъ, приближающихся къ воротамъ.

— Кто тамъ? — отворяй скорѣй! — съ нетерпѣніемъ откликнулся стучавшій, — времени нѣтъ, спѣшить надо!

Залязгали тяжелые запоры, ворота открылись.

Дожидавшійся у воротъ вскочилъ во дворъ и бросился прямо подъ навѣсъ, гдѣ стоялъ осѣдланый конь.

Не прошло и минуты, какъ онъ уже скакалъ по Звенигородской дорогѣ.

— Ишь, — прыткій, все скорѣй да скорѣй! — ворчала старуха, запирая снова тяжелымъ засовомъ ворота.

Молодой статный дружинникъ, несмотря на спустившіяся уже сумерки, мчался дальше. Нетерпѣливо погонялъ онъ плеткой горячаго коня; недовольно фыркалъ добрый конь, прядалъ ушами и шарахался въ сторону, но всадникъ твердою рукою умѣло сдерживалъ скакуна.

Алексѣй Жадовскій, любимый отрокъ князя Юрія Дмитрича, былъ посланъ имъ изъ Звенигорода въ Москву съ цѣлью разузнать о положеніи больного брата своего, Василия Дмитрича. Случайно узнавъ на торгу о западнѣ, которую готовили московскіе бояре и вдовая княгиня Софья его властителю, онъ спѣшилъ обратно въ Звенигородъ, чтобы предупредить Юрія. Жадовскій опасался, что онъ пріѣдетъ въ Звенигородъ позже посланнаго владыкою Ѳокиемъ боярина Акинфа Аслебятева.

— Только бы мнѣ успѣть во время, — думалось молодому человѣку и онъ продолжалъ погонять коня.

Несмотря на быструю ѣзду, Жадовскому не удалось добраться до Звенигорода раньше поздней ночи.

Княжой отрокъ со страхомъ думалъ, не разминулъ ли онъ въ темнотѣ съ княземъ, отправившимся въ Москву. Сердце у юноши тревожно билось, усталый конь тяжело дышалъ. Вотъ тамъ темнымъ пятномъ выяснились на бѣломъ снѣгу дѣтинець⁴ и вышка города. До чуткаго слуха княжаго отрока донесся протяжный окликъ ночного сторожа:

— Славень городъ Кіевъ!

Откликнувшійся точно эхомъ, другой сторожъ прогнусиль:

— Славень городъ Владиміръ!..

Быстрый топотъ коня встревожилъ стоявшаго на вышкѣ часового.

Приставивъ бердышъ къ полисаду, онъ пугливо сталъ всматриваться въ темноту и только, когда Жадовскій былъ у самаго дѣтинца, откликнулъ и, узнавъ по голосу, велѣлъ впустить его.

— Князь не выѣзжалъ въ Москву? — трепещущимъ голосомъ спросилъ отрокъ.

⁴ Внутренняя крѣпость въ городѣ.

— Отложилъ за темью отъѣздъ свой до свѣта, больно поздно бояринъ отъ владыки прискакаль, до тебя недавно, — отозвался часовой.

— Слава Творцу! — невольно вырвалось у молодого челоуѣка и онъ перекрестился.

— Вернулся, дружокъ, ну, запоздалъ, — встрѣтилъ Алексѣя бояринъ князя Глѣбъ Семенычъ, — а еще норовиль, чтобы поране другихъ все разузнать, эхъ, ты, парень молодой да не скорый!

Княжой отрокъ не обидѣлся на его укоры.

— Князя повидать нужно бы...

— Ишь, когда хватился! Опочивать онъ ужъ изволить, да и о чемъ тебѣ ему говорить? Все ужъ Акинфій Мокіевичъ разсказаль, и какъ великій князь кончину пріяль, и что говорилъ и какой распорядокъ оставилъ, это ужъ пересказано...

— А главное все жъ не договорено, — прервалъ его Жадовскій, — прошу тебя, Глѣбъ Семенычъ, пусти меня къ князю, вели его разбудить...

— Разбудить, ишь, пряткій, князь недавно опочивать легъ, а завтра въ Москву ѣхать нужно.

— Сказываю тебѣ, бояринъ, что нужда у меня великая сейчасъ князя увидѣть, смотри, опосля каяться будешь, да поздно.

Изумленно взглянулъ на говорившаго бояринъ, въ словахъ юноши онъ почувалъ дѣйствительно что-то важное для князя и, пожавъ плечами, проговорилъ:

— Ужъ коли такъ настаиваешь, пойду побужу князя, а ты за мной ступай слѣдомъ.

Не спалось князю Юрію Дмитричу. Неожиданное извѣстіе, привезенное ему Аслебьевымъ о смерти брата, новые планы, которые можно было осуществить, благодаря его кончинѣ, рой всевозможныхъ соображеній, догадокъ, — все это мѣшалось въ головѣ Юрія и не давало ему уснуть.

Честолюбивые замыслы о великокняжескомъ столѣ, которые ему не удалось осуществить при жизни Василия Дмитриевича, теперь казались болѣе исполнимыми, противникомъ ему являлся малолѣтній племянникъ.

Какъ могъ противустоять слабый, незнакомый близко съ управленіемъ княжества мальчикъ ему, уже искусившемуся во всевозможныхъ приключеніяхъ и междуусобицахъ удѣльныхъ князей!

Мысли за мыслями такъ и роились въ мозгу Юрія Дмитрича.

Въ дверь опочивальни тихо постучали. Князь вздрогнулъ.

— Кто тамъ? — громко окликнулъ онъ стучащихъ.

— Къ твоей княжой милости, бояринъ твой Глѣбъ...

Недовольный нарушеніемъ хода своихъ мыслей, Юрій сурово отвѣтилъ:

— Дня что-ли у тебя нѣтъ? — Входи.

— Прости, князь, это я, твой отрокъ Алексѣй, нарушилъ твой покой.

Неожиданное появленіе посланнаго въ Москву любимца встревожило князя.

— Вернулся, Алеша? — съ усмѣшкой сказалъ князь Юрій, — опоздалъ, братъ, ужъ мнѣ все извѣстно о смерти брата, я самъ чуть свѣтъ ѣду туда.

— Оттого-то я и потревожилъ тебя, княже, — порывисто сказалъ отрокъ, — что упредить хотѣлъ: не должно тебѣ ѣхать въ Москву.

Юрій Дмитриевичъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на своего любимца.

— Не ладное ты толкуешь! какъ мнѣ не ѣхать, брата родного хоронить будутъ?

— Ой, княже, не ѣзди.

— Отчего мнѣ не ѣхать-то? сказывай!

Братъ на брата

— Дозволь мнѣ, княже, слово молвить...

— Говори!

Отрокъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ, разсказаль все, что слышалъ на московскомъ торгу.

— Коли правду говоришь, такъ и впрямь мнѣ ѣхать не должно.

— Не ѣзди, князь, — сталъ просить и бояринъ.

— Боятся меня, знаютъ, что кривдой живы не будутъ, вѣдь родитель нашъ покойный самъ волю свою высказаль: «А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего князя Василия, а кто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему князь Василиемъ удѣль, а того удѣломъ подѣлитъ моя княгиня». Мнѣ, мнѣ принадлежитъ великокняжескій столъ, а не племяннику малолѣтку!

— Истинно тебѣ, — поддакнулъ бояринъ, — тебѣ надлежитъ быть великимъ княземъ.

— Не ѣзди, князь, — снова повторилъ отрокъ.

— Инъ, будетъ такъ, въ Москву я не поѣду, а чтобы снова за мной не пришли, такъ поутру готовъ похотъ на Галичъ, бояринъ, а теперь пора отдохнуть.

Князь, отпустивъ обоихъ, заперъ дверь опочивальни и опять легъ спать, но сонъ окончательно его покинулъ.

III.

— Отсутствіе Юрія Дмитріевича на похоронахъ его брата, великаго князя, было всѣми замѣчено и этому придали большое значеніе, тѣмъ болѣе, что отъѣздъ его въ Галичъ ни для кого не сталъ тайною.

Умная Софья Витовтовна, вдова покойнаго князя, сообразивъ, что планъ ея о захватѣ князя Юрія Дмитріевича открытъ послѣднимъ, посовѣтовала сыну своему созвать владыку и дядьевъ для рѣшенія, что предпринять.

Несмотря на юный возрастъ, великій князь Василій Васильевичъ обладалъ твердымъ характеромъ.

— Что скажете, ты святѣйшій⁵ владыко и вы дядья мои родныя, что должны мы зачать дѣлать противъ дяди моего, Юрія Дмитріевича? ни по свойски, ни по родственному поступилъ онъ съ нами, какъ тать, потайно ушелъ изъ Звенигорода.

Присутствующіе молчали.

— А теперь прислаль изъ Галича посла къ намъ съ «угрозами», сказываютъ, собралъ уже рать, чтобы идти на насъ.

— А ты, племянникъ, тоже собирай свою, — проговорилъ одинъ изъ старшихъ дядьевъ великаго князя, князь Андрей, — иди его воевать.

— Послушай, княже, моего совѣта, — замѣтилъ владыка, — худой миръ лучше доброй брани; пока еще государство послѣ твоего покойнаго родителя не въ полномъ устройствѣ находится, пожди, не спѣши воевать, придетъ время успѣешь, теперь же помирись съ дядей.

Молодой князь внимательно посмотрѣлъ на владыку и, сознавая справедливость его довода, проговорилъ:

— Правда, правда твоя, владыка святой, не время мнѣ начинать теперь бранное дѣло, придетъ пора, когда нужно будетъ, а теперь пожду.

⁵ Митрополитъ.

Дядя не рѣшались прекословить племяннику, сейчасъ же былъ позванъ посоль Юрія.

Съ достоинствомъ взрослога, великій князь обратился къ нему:

— Передай отъ насъ поклонъ дядѣ, князю Юрію Дмитричу. Скажи ему, что не гоже намъ, роднымъ ссориться, пусть пождетъ до лѣта, до Петровокъ, — тамъ намъ отъ дѣль свободнѣй будетъ; я съ нимъ лично самъ свижусь, по родственному добромъ перетолкую и весь нашъ споръ миромъ порѣшимъ.

Трудно было что-нибудь возразить на это великому князю. Разсохинъ, посоль Юрія, согласился на подобное предложеніе и, обласканный княземъ, отправился во свояси.

— Нельзя намъ медлить, — рѣшилъ великій князь, снова обратясь къ своимъ совѣтникамъ, — коли мы не поидемъ на дядю, онъ первый на насъ двинется.

— Правду молвишь, княже, — замѣтилъ ему въ отвѣтъ князь Андрей, — братъ нашъ старшой не станеть ждать.

Въ тотъ же день былъ рѣшенъ походъ на Переяславль, гдѣ собралось у Юрія достаточно ратнаго люда.

Еще не дождавшись конца перемирія, въ началѣ іюня, двинулась московская рать по костромской дорогѣ.

— Дядя мои любезные, — обратился къ нимъ великій князь, — самому мнѣ недосугъ идти воевать съ дядемъ Юріемъ, ступайте вы, да помните, что цѣловали мнѣ крестъ на вѣрность.

— По что, племянникъ, ты намъ не вѣришь? — обидѣлся князь Петръ, — какъ служили мы вѣрно отцу твоему, великому князю Василию, такъ и тебѣ готовы послужить.

Князья отправились вмѣстѣ съ войскомъ.

— Ой, не вѣрь ты имъ, внучекъ, — говорилъ Василию его дѣдъ, князь литовскій Витовтъ, — они всѣ на тебя точутъ мечъ, спроси хоть мать свою, все время она предупреждала отца твоѣго противъ нихъ и была права! Видишь самъ, какъ поступилъ дядя твой, князь Юрій? Послушайся моего совѣта — уцѣлѣешь на своемъ престолѣ, а нѣтъ, отымутъ отъ тебя Москву и придется тебѣ скитаться внѣ отчины.

— Особливо, сынокъ, не вѣрь ты князьямъ Андрею и Константину, — замѣтила княгиня Софья, — князь Петръ тебѣ больше другихъ преданъ, но и ему не ввѣрайся всецѣло.

Московское войско подходило уже близко къ Переяславлю, когда Юрій Дмитріевичъ узналъ о его приближеніи.

— Ой, княже, рати много у нихъ! Побьютъ они насъ! — замѣтилъ князю бояринъ Глѣбъ Семенычъ.

— Правое дѣло за себя постоить! — горячо отозвался Юрій.

Но, тѣмъ не менѣе, сознавая свою слабость, онъ бѣжалъ въ ту же ночь съ ближними своими боярами и отроками въ Нижній Новгородъ.

— Какъ намъ быть, братья? — спросилъ на совѣтѣ князь Андрей Дмитріевичъ своихъ братьевъ, — оставить его уйти, аль гнаться?

— Попомни, братъ, что цѣловали мы крестъ племяннику, такъ и служить ему должны по чести, — горячо возразилъ Петръ.

— Пусть Константинъ идетъ за нимъ въ погоню, — рѣшилъ князь Андрей.

Князь Константинъ сейчасъ же отправился съ частью войска.

Около рѣки Суры догналъ онъ брата. Ихъ раздѣляла только одна рѣка, но переправа, за отсутствіемъ лодокъ и плотовъ, была невозможна. Юрій ожидалъ нападенія, но оно не произошло.

Братъ на брата

— Смотри-ка, князь, москвичи идутъ обратно, не хотятъ насъ тревожить, — замѣтилъ княжой отрокъ своему властелину.

Съ изумленіемъ взглянулъ Юрій на снимавшихъ станъ противниковъ, москвичи дѣйствительно уходили.

— Ужь не готовятъ ли они намъ тайную засаду, бояринъ? — подозрительно спросилъ онъ Глѣба Семеныча.

— Дозволь мнѣ переправиться на ту сторону, княже, я все узнаю, — предложилъ Алексѣй.

— Ступай, коли тебѣ охота, — сказалъ Юрій. Молодой человекъ, перебравшись съ опаской на другую сторону, проводилъ московскую рать на большое разстояніе.

— И, впрямь, ушли, господине, — сказалъ онъ по возвращеніи.

Обрадованный Юрій Дмитріевичъ опять вернулся въ Нижній Новгородъ.

— Что жъ, идемъ на Галичъ! — весело сказалъ онъ своей рати.

Поступокъ Константина показался въ Москвѣ подозрительнымъ.

— Предупреждала я тебя, сынъ, дядьямъ не вѣрять, моя и вышла правда, — укорила сына княгиня Софья, — предалъ вѣдь тебя дядя.

Молодой великій князь ничего не отвѣтилъ матери.

Скоро отъ Юрія Дмитріевича явились въ Москву послы.

Онъ сознавалъ невозможность въ настоящее время бороться съ племянникомъ и просилъ у него перемирія на годъ.

— Что жъ, коли просить онъ мира, почти его, племянникъ, — посоветовалъ князь Андрей.

— Не прочь я, дядя, съ нимъ помириться...

— Кто жъ поѣдетъ переговорить съ нимъ въ Галичъ, его сюда вѣдь не заманишь? — замѣтила великая княгиня.

— Пошли меня, — быстро сказала Константинъ Дмитріевичъ.

Подозрительно взглянула на него хитрая литовка, ей почему-то казалось, что Константинъ предастъ ея сына.

— Пусть лучше ѣдетъ владыка, ему удобнѣе говорить о мирѣ, — сказала она, — ты, княже, человекъ ратный, коль воевать тутъ твое дѣло, а говорить о мирѣ пусть владыка.

— И впрямь, пошли, внучекъ, владыку, — замѣтилъ, въ свою очередь, старый Витовтъ.

Сборы были небольшіе, на другой день митрополитъ съ клиромъ и дьякомъ Лисицынымъ выѣхали въ Галичъ.

IV.

Юрія Дмитріевича увѣдомили заранѣе его московскіе доброжелатели о поѣздкѣ митрополита.

— Сгони народъ, сколь можешь больше, изъ сель, пригородовъ, деревень, вонъ на эту гору, — приказалъ онъ боярину Глѣбу Семенычу, указывая на лежащей у самага Галича большой холмъ.

Бояринъ не смѣлъ ослушаться приказанія князя и приступилъ къ его исполненію.

Подѣхавшій къ Галичу митрополитъ прямо прошелъ въ соборную церковь Преображенія Господня, помолился тамъ, затѣмъ, привѣтствовавъ Юрія Дмитріевича, вышелъ изъ храма.

— Сыне, князя Юрій, — обратился владыка къ князю, — не видалъ столько народа во овчихъ шерстяхъ, — вси бо бяху въ сермягахъ.

Этими словами онъ хотѣлъ дать понять Юрію, что это все народъ простой, неспособный къ ратному дѣлу.

Затѣя Юрія Дмитріевича похвалиться большимъ количествомъ людей, чтобы напугать митрополита и заставить его согласиться на выгодное перемиріе, не удалась.

— Святитель посмѣялся надъ нами, — съ неудовольствіемъ сказалъ князь Глѣбу Семенычу, — затѣмъ обратившись къ митрополиту сказалъ: Благослови владыка принять трапезу у меня.

— Сперва, княже, перетолкуемъ о томъ дѣлѣ, ради котораго я сюда прибылъ, — отвѣтилъ Фокій на его приглашеніе.

— Успѣемъ еще, владыка, переговорить.

— Пока не вырѣшимъ съ тобой миръ, княже, не пойду я въ твои палаты.

— Нѣтъ мира между мной и моимъ плямянникомъ! — гнѣвно сказалъ Юрій, — отцовскимъ завѣтомъ назначено мнѣ сидѣть на великокняжескомъ столѣ, а не ему! На временный миръ я соглашусь.

Но владыка стоялъ на своемъ и не хотѣлъ говорить о перемирії.

— Коли не хочешь, князь, идти на миръ, — величественно рѣшилъ владыка, — нѣтъ никому вамъ моего благословенія!

Онъ тотчасъ же выѣхалъ изъ Галича.

— Гордъ больно митрополитъ-то, пусть ѣдетъ обратно, — насмѣшливо сказалъ Юрій и вошелъ въ свои палаты.

— Княже, — проговорилъ, весь трясаясь отъ страха, бѣжавшій къ нему отрокъ, — неладное случилось у насъ въ городѣ!

— А что, что такое? — внутренно взволнованный, но стараясь быть спокойнымъ, спросилъ его Юрій.

— Съ той поры, какъ выѣхалъ отъ насъ владыка, народъ сталъ падать и безъ хвори умирать!

— Зря ты что-то мнѣ толкуешь, — испуганно проговорилъ князь.

— Повѣрь мнѣ, княже, одну правду! Смятеніе, ужасъ среди народа, всѣ плачутъ! Самъ убѣдись!

Юрій Дмитріевичъ растерянно оглянулся вокругъ себя, взоръ его упалъ на икону Спасителя, передъ которой теплилась неугасимая лампада. Князь подъ впечатлѣніемъ какого-то тайнаго трепета взглянулъ молитвенно на ликъ Спасителя и осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

— Коня мнѣ скорѣй... — прошепталъ онъ задуманнымъ голосомъ.

Алексѣй бросился исполнять приказаніе. Пораженный Божьимъ наказаніемъ, постигшимъ городъ, Юрій рѣшился самъ догнать митрополита и умолить его возвратиться въ городъ. Горячій скакунъ быстро понесъ князя. Догнать святителя Юрію Дмитріевичу удалось только за озеромъ въ селѣ Пасынковѣ, гдѣ Фокій остановился на отдыхъ.

— Прости меня, владыка святой, — обратился смиренно Юрій, — повели вернуть мнѣ и галичанамъ благословеніе твое.

Фокій сейчасъ же согласился возвратиться въ Галичъ и благословилъ князя, городъ и гражданъ. Моръ на людей немедленно прекратился.

— Такъ соглашаешься на миръ, княже? — спросилъ Юрія Дмитріевича митрополитъ.